

Василий Окулович и Соломан (2)

И даг не в далечом, далечом во Черни-городи
У прекрасного царя да у Василя Окуловича
Заводилось пированьё, да бал-почесьен стол
Про многих купцей-гостей торговых,
Про руських могущих богатырей,
Про тех же про пановой-улановой
И про тех же кресьянушок прожитосьних.
И уже все-де на пиру да напивалисе,
А все на чесном да наедалисе,
И все на пиру да сидят-хвастают:
Иной-от хвастат золотой казной,
А могучей-от хвастат своей силою,
А наезник-от хвастат добрым конём,
А глупой-от похвастал молодой жоной,
Неразумной-от хвастаёт родной сёстрой,
Когда умной-от похвастал старой матерью.
А прекрасной царь Василей-от Окулович
Он по светлой-то грыдьни похаживат,
А белыма руками прирузмахиват
И да злаченыма перснями принашшалкиват,
А сам из речей да выговарыват:
«Уж вы ой еси, пановья-улановья,
Уж вы-те, мои кресьянушка прожитосьни,
А сильни-могуцыи богатыри,
А вы-те, поленицы преудалые!
И уже все у нас во городе поженёны,
А красные девки взамуж выданы —
Я един-то где, царь, да холост хожу,
Я холост-де хожу, да не жонат слыву.
Да не знаёт ле мне хто да супружничи,
Молодой-то жоны да полюбовничи:
Щобы статным она статна и умом свёрсна,
А умом она свёрсна да полна возроста,
А личём она бела — да быв, как белой снег,
И у ей ясны-то очи — как у сокола,

Щобы черны-ти брови — как два соболя,
А ресницьки у ей — да у сиза бобра,
А походочка у ей была — повинная,
И кабы тихая рець — да лебединая:
Щобы можно назвать кого царицэю,
Щобы можно кому да покорятисе,
Щобы можно кому да поклонятисе?..»
Из-за того из-за стола из-за дубового,
Из-за той же скамейки белодубовой
Выставал-то удалой доброй молодец,
Уж на имя детинушка Поваренин,
По прозванью детина — Торокашко-вор.
Он близко к царю да подвигаицсэ,
А близко царю поклоняицсэ:
«Ты прекрасной царь Василей Окулович!
Ты позволь-ко-се мне нонь слово сказать,
И за слово ты мошь меня сказнить-повесити!» —
«И говори-ко ты, детина, що те надобно» —
«И как не в далечом, далечом в Соломи-городи
И у того же царя у Соломана
А-й есь же цариця Соломанида:
А статным она статна и умом свёрсна,
А умом-то свёрсна да полна возраста,
А личём она бела — да быв как белой снег.
У ей ясны-то очи — как у сокола,
А черни-ти брови — как два соболя,
А ресницьки у ей — да у сиза бобра,
А походочка у ей была — повинная,
А тихая речь — да лебединая:
Ведь можно будёт назвать-то царицэю,
Тут можно тому да поклонятисе,
Будёт можно кому да покорятисе!»
Говорит-то тут Василей-от Окулович:
«Уж ты глупой ты детинушка Поваренин,
По прозванью детина — Торокашко-вор!
Ишше как это можно у жива мужа жона отнеть?
И как это можно? Не позволяицсэ!»
Говорит-то тут детинушка Поваренин:
«Ише пóло у жива мужа жона отнеть!

И ты сострой-ко-се мне-ка ноньче три карабля,
Ты на карабли сади да по три дерева,
А на дерева ты сади птиц райских —
Щобы пели они да песни царские,
Звеличали царя да Василия Окуловича!»
Ишше тут-то Василей прироздумалсэ.
Он состроил-де нонь да ведь три карабля
И да на карабли садил да по три дерева,
А на дерева садил птиц как райских —
А поют они нонь да песни царские,
Звеличают прекрасного царя да Василия Окуловица.
А на карабли грузил товары-ти заморские
И всяки напитки-ти разные.
И отобраласе их дружинушка хоробрая,
Становиласе дружинушка на карабли,
Отправилась дружинушка за морё
А в то царсво к Сóломану.
Привалила-то дружинушка хоробрая,
Становиласе дружинушка хоробрая
Що на тех же на черных бóльших караблях.
Он даёт где-ка весть по всёмu городу.
И да дошла эта весть до царицы до Соломаниды:
«Уже есь товары-ти заморские,
Хорошо-то Поваренин торгуёт нонь».
Как приходит-то цариця Соломанида.
Как примаёт Торокашко царицю-ту:
Во-первых, он заводит в светлы светличи
Да на те же на больших черных караблях,
Он доступно к царице подвигаицсэ,
Он садит-то ею да за дубовой стол,
А за те же напитки-ти крепкие,
Уж крепкие напитки заморские.
И как подвыпила царица Соломанида,
И стала царица-та похаживать,
А заморски товары-ти просматривать.
А на ту пору детинушка догадлив был:
Отвалил-то детина за синё морё.
И ходила царица-та по караблю,
Осмотрела она все товары заморские.

Как вышла она да на палубу,
А скричала она да громким голосом:
«Уж што же, купеч, да это делаёшь?»—
«Ты не бойсе, царица Соломанида,
Я везу-то тебя да во замужество
За прекрасного царя да за Василья Окуловича!»
А на это царица не соглашаицсэ —
Прямо в воду она да спускаицсэ.
Ишше начал детина уговаривать:
«И ты не бойсе-тко, царица: это всё пройдёт!»
И тут-де царица согласиласе...
Привалило где нонь да три карабля —
А дают они знать да прекрасному царю,
И как выводят царицу на сыру землю.
И как понравилась цариця Василью-ту:
А да статным она статна, была умом свёрсна,
А умом ле она сверсна, да полна возроста,
И личём она бела — да быв как белой снег.
У ей ясны-то очи — как у сокола,
А черны-ти брови — как два соболя.
И да пошли где они да во Божью церков,
Уже принели да закон Бóжьей —
Пошло пированьё, да бал-почесьён стол.
А тепере Торокашко-вор во славушки:
Он достал ведь царичу из-за моря...
Хватилсэ тут царь Соломан-от:
Он собралсэ-де да своей силою,
Он на те же на своих черных караблях —
И отправилсэ где нонь да за молодой женой.
А он становицсэ где не поблизку —
Выходила ёго ведь силушка на землю,
Становила шатры белополотняны.
Уж хитрой-от, мудрой Соломан был;
И он крепко-де своей силы наговариват:
«В первой как я сыграю в турей рог —
Уж вы быдьте у мя да во снаряде все,
И спешите вы да скоро-наскоро!
Во второй я раз сыграю как в турей рог —
Уж вы быдьте у мя да близко-наблизко!

Я в третьей раз сыграю как в турей рог —
Уж вы быдьте у мя да при моих глазах!»
А пошол-де Соломан во Чернин-город.
Он по городу идёт да всё каликою
А [к] прекрасному царю да на высокой дом.
А дома царя не случилось —
А уехал он в полё за охотами.
А заходит-то калика на высокой дом,
А во те же во светлы-ти во светлицы:
А лежит-то царица при постелюшки.
Да скрычала тут калика громким голосом
Ишше ту милостину Христа ради —
Ото сну тут царица пробужаице
В одной тоненькой беленькой рубашецьки.
Опознала-то царица лицо знакомоё:
«И ты прости-ко меня, царь, да в первой вины.
Увезли ведь меня да на караблях;
Я хотела спустицьсе во синё морё —
Не спустили меня да во синё морё
И вывезли меня да на сыру землю;
И приняла ведь я да закон Божии.
Голову у мя руби, хоть саму казни!»
В эту пору, в это времецько царь приежжат.
Да тут некуда Соломану деватисе:
Тут не выскочышь и не выпренёшь;
Тут замкнула царица во крепкой ящик.
А прекрасной царь Василей-от Окулович
Он заходит-де нонь да светлы светличи,
Со любой-то жоной он розговарывал.
Уж и всё они про всё протолковали где,
Говорит-то цариця Соломанида
(А сама она сидит да на ящики):
«Ты прекрасной царь Василей Окулович!
Ише што бы тепере стал как делать ты,
Кабы привёлса ноньче у мя Соломан-царь?»
Отвечаёт прекрасной царь Василей-от Окулович:
«Я бы взял-де ёго да за белы руки,
Чёловал бы ёго в уста сахарные
И садил бы ёго да за дубовой стол!»

Да на то-де царица да догадлива:
Отмыкаёт она да сундук крепкие,
Выпускаёт она царя Соломана.
Говорит-де царь Василей-от Окулович:
«А сказали, ты, царь, да хитёр-мудёр, —
А сидишь где ты да у молодой жоны?
У молодой-то жоны да под подолом ты!»
И тут прекрасной царь Василей Окулович
Да скрычал он, звопел да громким голосом:
«Уж вы слуги, мои слуги вы вернии!
Вы подите-тко, слуги, во чисто полё,
Уж вы делайте виселицу высокую,
Вы свяжите-тко нонь две петёлки!
Вы ведите-тко Соломана в чисто полё —
Вы повесьте ёго как во петёлку!»
И как пошли эти слуги во чисто полё,
Они сделали виселичу высокую,
А повесили они как две петёлки.
А прекрасной царь Василей на кореты едёт,
А Соломан-от царь как пешком идёт,
А сам из речей да выговарыват:
«Уж передьни-ти колёса ведь конь тенёт,
А задьни-ти колёса к чому идут?..»
А да приехали они как до виселицы —
И да приказыват прекрасной царь Василей Окулович
А повесить царя как во петёлку,
И да во ту же ведь петлю да во шелковую.
Воспроговорил царь-от Соломан-от:
«Ты прекрасной царь Василей Окулович!
Ты позволь-ко мне ноньче в рог зыграть,
Во тот же рог — как во турей рог!»
А взыграл-то Соломан в турей рог:
У Соломана сила шшевелиласе —
А близко-то сила подвигаицсэ.
А ступил как Соломан на второй ступень —
Ише тут-то Соломан воспроговорил:
«Ты прекрасной царь Василей Окулович!
Ишше дай мне зыграть да во турей рог!»
Говорит-то царица Соломанида:

«Ты прекрасной царь Василей Окулович!
Не давай-ко играть ты во турей рог!»
Говорит-то Василей-от Окулович:
«Нечего, ты играй да во турей рог».
Как взыграл-то Соломан в[о] второй након:
Зашумела-то дубравушка, темны леса —
Подвигаицэ сила близко-наблизко.
А ступил-то Соломан на третей ступень —
Спроговорил царь Соломан-от:
«Ты прекрасной царь Василей Окулович!
Ты дозвожь-ко-се мне да сыграть-де во турей рог
Мне те[пе]рече да при кончинушки,
При кончинушки да веку долгого!»
Говорит-то царица Соломанида:
«Ты прекрасной царь Василей Окулович!
Не давай-ко играть да во турей рог!»
Ведь дозволил взыграть да Василей-от:
«Ты взыграй-ко тепере последней раз!»
Как взыграл царь-от Соломан-от,
А взыграл и где как во турей рог —
Как накрыла-то силушка великая,
Обостала-обседлала ведь досуха.
Тут повесили царичу во петёлку;
Подхва[ти]ли пре[кра]сного царя да Василя Окуловица;
Добралисе они до вора где,
И ко[то]рой мог укрась и царичу где —
Тут и делали петёлку шелковую
И повесили да Торокашка где...
После этого-то времени славы поют,
А славы-ти поют да в старинах скажут.

(Зап. А. Д. Григорьевым 21 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Тяросова Андрея Яковлевича, 52 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.